

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

ИВАН ТУРГЕНЕВ В 1850-м. ЖИЗНЬ В ДВОЕМИРЬЕ

Причины возвращения

Вначале нужно объяснить, почему я взяла именно 1850 год. Какую такую особую роль этот год сыграл в жизни Ивана Сергеевича Тургенева? Объяснение простое. В 1850 году Иван Тургенев вернулся на родину после длительного пребывания за границей; в общей сложности он пробыл в Европе, в основном в Париже, и имени семьи Виардо Куртавнеле, около четырех лет¹.

Ирина Чайковская — прозаик, критик, преподаватель-славист. Главный редактор американского русскоязычного журнала «Чайка». Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе. Семь лет жила в Италии, с 2000 года — в США. Автор книг «Карнавал в Италии» (Балтимор: Seagull Press, 2007), «Любовь на треке» (Бостон: M-Graphics Publishing, 2008), «Какие нынче времена» (Балтимор: Seagull Press, 2008), «Старый муж» (М.: Аграф, 2010), «В ожидании чуда» (СПб.: Алетейя, 2010), «От Анконы до Бостона: мои уроки» (М.: Аграф, 2011), «Ночной дилижанс» (Балтимор: Seagull Press, 2013), «Три женщины, три судьбы. Полина Виардо, Авдотья Панаева, Лиля Брик» (М.: URSS, 2014), «Мария Маркович и Иван Тургенев» (Киев: Каяла, 2016), «Афинская школа» (СПб.: Алетейя, 2016), «Время культуры» (СПб.: Алетейя, 2018), «Такой разный Тургенев» (М.: Академический проект, 2018), «Классика XX—XXI вв. От Булгакова до Водолазкина» (М.: Академический проект, 2019), «Путешествие с Панаевой» (СПб.: Алетейя, 2019), «Дело о деньгах. Из тайных записок Авдотьи Панаевой» (СПб.: Алетейя, 2020), «Окно в Америку. Русская культура на американской земле» (М.: Академический проект, 2020) и многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Автор статей и докладов о жизни и творчестве И. С. Тургенева, А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова и других представителей русской литературы второй половины XIX века. Участница международных тургеневских конференций и конференций по связям русской и за рубежной литературы. Член редколлегии американского русскоязычного журнала «Слово/Word» и поэтического альманаха «Связь времен». Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации «Критика». Живет в Большом Вашингтоне.

---

¹ Обычно говорят о трех годах, проведенных Тургеневым вне России (1847—1850). Но если мы обратимся к «Летописи жизни и творчества Тургенева», то увидим, что он находился за границей почти четыре года, точнее, три года и десять месяцев. Он уезжает в Европу вслед за четой Виардо, в первой половине мая 1845-го. В середине октября 1845 года возвращается в Россию, где в это время гастролирует Полина Виардо. В феврале 1846 года вся семья Виардо вместе с маленькой Луизой прерывает гастроли из-за болезни девочки и матери и покидает Санкт-Петербург; Тургенев с ними не едет и весь 1846 год проводит в России. Но уже 12 января 1847 выезжает в Берлин, где встречается с Полиной Виардо, и возвращается на родину 17 июня 1850 года (см. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858). СПб.: Наука, 1995, с. 104—164). Если посчитать время пребывания писателя за границей в этом промежутке, то получится около четырех лет.

Как сообщают некоторые источники, Иван Тургенев вернулся в Россию из-за смерти матери². Но это не так. Он вернулся в июне 1850 года, а мать умерла в ноябре³. Можно встретить и версию, что вернулся оттого, что «мать писателя сильно ревновала сына к „проклятой цыганке“... и требовала разрыва с Виардо и возвращения сына домой»⁴. И это, скорее всего, не вполне точное объяснение. Как кажется, ближе к истине те исследователи, которые называют причиной возвращения Тургенева в Россию в 1850 году безденежье и желание наконец-то разобраться с имущественными проблемами внутри семьи, вытекающими из нежелания матери выделить своим двум взрослым сыновьям часть наследства, освободить их от унижительной зависимости от себя. Оба сына не были самостоятельными в имущественном плане, зависели от Варвары Петровны⁵. И оба вели себя не в соответствии с ее требованиями. Старший Николай женился на ее камеристке Анне Яковлевне Шварц, младший — любимец Иван — уехал против ее воли вслед за замужней французской певицей и жил за границей. Обоим она лишила вспомоществования.

«Надо, наконец, устроить эти невыносимые семейные дела... — пишет Иван в письме к Полине и Луи Виардо на борту корабля, увозившего его в Россию, и продолжает. — Это совершенно необходимо и — так или иначе — я своего добьюсь», обещая при этом в точности описать своим французским друзьям «все перипетии»⁶ (здесь и далее в пер. с французского).

Учтем также, что в мае 1850 года Иван получает письма от Николая Сергеевича Тургенева (брата) и Варвары Николаевны Богданович-Лутовиновой, 17-летней воспитанницы матери. В своих записках Варвара Богданович, в замужестве Житова, пишет, что «в самом начале весны Варвара Петровна довольно серьезно заболела. Иноzemцев (врач, тогдашнее светило. — И. Ч.) ездил к нам каждый день». Тогда же мать через Вареньку послала Ивану деньги на дорогу⁷.

Можно предположить, что в письмах брата и, особенно, Вареньки, чьей рукой, конечно же, водила Варвара Петровна, говорилось о катастрофически плохом самочувствии матери Ивана Сергеевича. Это могло стать дополнительным аргументом в пользу приезда Ивана Тургенева, при том, что его друг Павел Анненков в письме отговаривает его от этого шага⁸.

В ответном письме Полины Виардо Тургеневу читаем (здесь и далее в пер. с французского): «...я чувствую себя как бы раздавленной свалившимся на нас горем — по-

² См., например, энциклопедию «Всемирная история».

³ В Википедии встретилась фраза: «В 1850 году Тургенев вернулся в Россию, однако с матерью, умершей в том же году, он так и не увиделся». Замечание неверное, так как с матерью писатель, конечно же, увиделся; другое дело, что он не был на ее похоронах, о чем речь впереди.

⁴ Геннадий Головкин. Тургенев и Виардо. История любви. <http://turgenev-lit.ru/turgenev/biografiya/golovkov-turgenev-i-viardo.htm>.

⁵ Николай Сергеевич служил, но получал скудное жалованье, которого едва хватало на прокорм жены и трех родившихся детей. К тому же в 1850 году Варвара Петровна вынудила его выйти в отставку и переехать в Москву, при этом денег на содержание семьи и дома по-прежнему не давала (см. В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. М.: Гелиос, АРВ, 2016, с. 128. Далее цитируется по этому изданию).

⁶ См. письмо от 25 июня 1850 г. Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем в 30 т., 2-е изд., испр. и доп., М.: Наука, 1978—2018. Письма, т. 2 (1850—1854), с. 344. Далее цитируется по этому изданию. В пер. с французского.

⁷ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 129. Житова пишет, что Иван Сергеевич был в Петербурге уже весной 1850 года, между тем он приехал только в июне.

⁸ Анненков пишет, что в России организована настоящая облава на людей, хоть сколько-нибудь подозрительных. См. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858). СПб.: Наука, 1995, с. 162. Далее цитирую по этому изданию.

терять вас именно тогда, когда, как нам казалось, мы вас обрели и отняли у противной России... Уезжайте же, но с твердым намерением возвратиться, а следовательно, уладить ваши тамошние дела...»⁹

Таким образом, Полина подтверждает наше предположение, что главной причиной отъезда Тургенева, находившегося в Куртавнеле в неловком положении «приживала», была денежная, отсутствие средств для пребывания за границей. Необходимо было уладить «тамошние дела».

Что осталось позади

Иван Тургенев уже не мальчик, ему 28 лет, на родине он начинающий приобретать известность писатель. Его печатающиеся в «Современнике», лучшем тогдашнем журнале, рассказы из цикла «Записки охотника» встречают горячий прием. В каком умонастроении уезжает он из Франции и от четы Виардо? Говорю «от четы», но понятно, что привлекала Тургенева именно Полина, в которую он был безоглядно влюблен. Приведу несколько отрывков из писем Ивана Сергеевича, написанных в это время и адресованных Полине.

Вот из письма от 24 июня 1850 года из Парижа — перед поездкой в Россию:

«СЕГОДНЯ ровно год, как мы с вами читали «Германа и Доротею» в большой гостиной в Куртавнеле. Как идет время!..»;

(спустя два часа) «...будьте благословенны — мои дорогие и добрые друзья, моя единственная семья, вы, кого я люблю больше всех на свете»¹⁰.

В том же июне 1850-го, находясь на корабле, Тургенев пишет Полине Виардо: «Вы позволите мне, не правда ли, поверять вам все, что меня касается? Поверять вам все, без исключения, все, что я сделаю, что решу, что со мной случится. Мысль жить так, на ваших глазах, будет для меня очень благотворной и очень приятной»¹¹.

По приезде в Россию спешит поделиться: «Я приехал сюда третьего дня, остановился в той же гостинице „Дрезден“, где вы прожили неделю, а со вчерашнего дня живу в домике брата. Я повидался с матерью. Дела я нашел в самом плачевном состоянии, но расскажу вам об этом позднее, когда немного осмотрюсь. Сейчас же вам достаточно будет узнать, что самому мне кажется, будто я, бог знает как надолго, вошел в сырой и вредный для здоровья погреб. Ах! Солнце, свежий воздух — все, что делает жизнь приятной и прекрасной, я оставил там, у вас, друзья мои. Как далеко нахожусь я от вас...»

И дальше: «Не забывайте меня, думайте обо мне, умоляю вас... это будет для меня единственным якорем спасения, когда, среди ожидающих меня тягостных распрей, трудясь над устройством всевозможных грустных дел, я почувствую, что мое сердце изнемогает от усталости и отвращения. Это будет моим единственным утешением».

И опять повторяет: «Мне так бы хотелось жить у вас на глазах... С завтрашнего дня я начну вести нечто вроде дневника, который буду вам посылать»¹².

Остановимся ненадолго в цитировании, чтобы коротко обобщить смысл тургеневских писем в момент и после отъезда из Франции. По собственному ощущению, во Франции он оставляет свою «единственную семью». Если для Полины Россия, отнявшая у нее Тургенева, «противная», то и сам он сравнивает страну, в которую вернулся, с «сырым и вредным для здоровья погребом». В оставленной Франции многое для него священо. Так, он отмечает дату (ровно год), как они с Полиной читали гё-

⁹ См. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, с. 164.

¹⁰ Письма, т. 2, с. 342, 343.

¹¹ Там же, с. 344.

¹² Там же, с. 345.

тевскую идиллию «Герман и Доротея». Читали по-немецки только что вышедшее произведение. Мы знаем, что эта поэма была определенным знаком для обоих, возможно, тайным символом их любви¹³.

Тургенев предвидит в ближайшем будущем нелегкое устройство всевозможных грустных дел (раздел?), тягостные распри (при разделе наследства?) и единственный «якорь спасения» видит для себя в той постоянной эмоциональной и духовной связи, которая установилась между ним и семьей Виардо, точнее, Полиной. Не столь юный уже человек выражает желание «жить на глазах» у любимой женщины и описывать ей все свои жизненные впечатления. Есть в этом и неизжитый инфантилизм, и романтический пыл — дань влюбленности. Нам еще предстоит показать, как эта установка на передачу жизненных впечатлений перелагается писателем в формы, которые его французским друзьям, далеким от русских реалий, легче и проще понять.

Встреча с Россией

На родине Тургенев нашел некоторые изменения. Его брат Николай женился. Его жена — бывшая камеристка Варвары Петровны Тургеневой, немка Анна Шварц. Мать категорически не принимает этого брака, сноха не может даже показаться ей на глаза, но зато брату Ивану невестка очень нравится — держит дом, хорошо готовит. Первое время Иван живет в доме брата. Самое главное, о чем Иван Сергеевич сообщает в письме к Виардо, — это обнаруженный им в деревне ЕГО РЕБЕНОК, девочка восьми лет, по имени Пелагея (Полина), очень на него похожая. Рожденная белошвейкой, обслуживавшей Варвару Петровну, маленькая Пелагея никому не нужна, болтается среди дворовых. Первое побуждение Тургенева — попросить совета у Полины, что делать с этой новообретенной дочкой? «Вы моя Полярная звезда, вы знаете, что по ней ориентируются моряки: она постоянно находится на одном и том же месте и никого не вводит в заблуждение»¹⁴. Полина выражает желание воспитывать дочку Ивана у себя — и Тургенев отправляет ее в Париж с найденной для этого случая пожилой француженкой, г-жой Робер, возвращающейся на родину и не отказавшейся за плату присмотреть за девочкой.

Настроение Тургенева не меняется. Родина, дом — там, во Франции, в Куртавнеле, где живет его «Полярная звезда». Даже собаке, Диане, привезенной с собой, он говорит: «Ну, бедняжка, ну и далеко же мы от дома»¹⁵.

Быстро решить имущественные проблемы не получается. Мать держит все в своих руках. Братья поселяются в «маленьком имении», принадлежавшем их покойному отцу.

При том, что Тургенев скучает по «той жизни» и рвется туда («Милый Куртавнель, тысячу раз его благословляю»)¹⁶, в «жизни здесь» есть и положительные моменты. Рядом брат. Пишутся рассказы из цикла «Записки охотника», в частности «Певцы», впереди, в 1851 году, премьеры пьес «Где тонко, там и рвется» и «Провинциалка»¹⁷. Но самое главное выражено — в вырвавшемся признании: «Я должен все же сказать, что в родном воздухе есть нечто неуловимое, трогательное вас и хватающее за сердце. Это невольное скрытое тяготение тела к той земле, на которой оно родилось. И потом,

¹³ См. Ирина Чайковская. Иван Тургенев как читатель Гёте. Семь искусств, № 12(48), декабрь 2001.

Обратим внимание, что и «Полина Виардо выделила эту поэму Гёте. В списке (любимых книг. — И. Ч.) Полины нет ни „Страданий молодого Вертера“, ни „Фауста“, из всех произведений Гёте именно поэма „Герман и Доротея“ удостоилась чести быть названной».

¹⁴ Письмо из Москвы от 9/21 июля 1850 г. Письма, т. 2, с. 347.

¹⁵ Москва, Письма, т. 2, с. 346.

¹⁶ Письма, т. 2, с. 346.

¹⁷ «Провинциалку» Тургенев дописывал в России в октябре—ноябре 1850 года.

детские воспоминания, эти люди, говорящие на вашем языке и сделанные из одного теста с вами, все, вплоть до несовершенств окружающей вас природы, несовершенств, которые делаются вам дорогими, как недостатки любимого существа — все вас волнует и захватывает. Хоть иной раз бывает и очень плохо — зато находишься в родной стихии»¹⁸.

Да, Тургенев говорит на родном языке, общается с братом и его женой, с друзьями, с крестьянами (например, присутствует при состязании деревенских певцов, затем описанном в рассказе). При этом каждая черточка, мелочь, деталь оставленная позади, во Франции, ему дорога. Все начало 1850 года он провел в Куртавнеле. Что же это была за жизнь?

В Куртавнеле

Тургенев жил в Куртавнеле на правах «друга семьи», положение довольно болезненное для молодого самолюбия, так как он, в будущем наследник богатейшего состояния матери, владелицы пяти тысяч крестьянских душ и большого количества деревень в разных губерниях, оказался в семье Виардо в роли «нахлебника»¹⁹; гонораров, получаемых от Некрасова и Краевского²⁰, издателей «Современника» и «Отечественных записок», печатающих его рассказы и пьесы²¹, на жизнь не хватает. Мать, рассерженная тем, что сын не покоряется ее воле и в Россию не возвращается, денег ему не посылает.

Как проводит Тургенев свои дни в Куртавнеле? Можно получить об этом представление из одного письма 1849 года, которое — в отрывках — приводится ниже.

Один день в Куртавнеле

Итак, один день в Куртавнеле, описанный Иваном Сергеевичем в письме к Полине Виардо (она в это время гастролирует в Лондоне) от 19 июня 1849 года.

¹⁸ Тургенев, 3/15 августа 1850, Письма, т. 2, с. 353.

¹⁹ В 1848 году Тургенев пишет комедию «Нахлебник», в центре которой бесправный и униженный Кузовкин, живущий на «чужих хлебах» в помещицьем доме. Конечно, аналогия далеко не полная, таких «Кузовкиных» Тургенев мог наблюдать в окружении матери, но и его собственное положение в доме Виардо должно было наводить на мысль о печальном сходстве.

²⁰ В январе 1850 года в письме к А. А. Краевскому Тургенев обещает прислать ему несколько сочинений, а дальше описывает в шуточной форме свое положение: «Во всяком случае, Вы можете рассчитывать на лихорадочную деятельность с моей стороны — Голод не тетка — и я имею свирепые намерения на Ваш карман...» (Письма, т. 2, с. 7).

²¹ Вот список напечатанных в российских журналах пьес Тургенева за время, предшествующее его приезду в Россию:

«Безденежье» (1845). «Отечественные записки», 1846, № 10.

«Где тонко, там и рвется» (1848). «Современник», 1848, № 11.

«Нахлебник» (1848) был запрещен и в печати, и на сцене. Напечатан в «Современнике» под названием «Чужой хлеб» уже позже, в 1857-м, № 3.

«Холостяк» (1849). «Отечественные записки», 1849, № 9.

«Завтрак у предводителя» (1849). В печати появился только в 1856 году, в № 8 «Современника», на сцене — в 1849-м, в Москве и в Санкт-Петербурге.

«Месяц в деревне» (1850), комедия впервые опубликована только в 1855 году в № 1 «Современника», поставлена в 1872 году.

«Провинциалка» (1850), писалась уже в России, опубликована в «Отечественных записках» за 1851 год, № 1. Поставлена в 1851 году на домашней сцене, затем в том же году в Малом театре и Александринке.

«Добрый день, милостивая государыня; как вы поживаете? Все обитатели Куртавнеля чувствуют себя хорошо и кланяются вам. Они поручили мне дать вам отчет о вчерашнем дне. Вот этот отчет:

Все спали после отъезда П. Виардо до 10 часов. Затем встали, позавтракали, поиграли в бильярд, принялись за дело: м-ль Берта с Луизой, г-н Сичес — с газетой, г-жа Сичес не знаю где, а я в маленьком кабинете стал обдумывать известный вам сюжет».

Тут нужны пояснения. Скажу, что мне понадобилось провести соответствующие разыскания, чтобы выяснить, кто же, кроме Тургенева, находился летом 1849 года в Куртавнеле.

Берта — родная сестра Луи Виардо, тетка его детей. Со старшей — Луизой — она проводит какие-то занятия. Чета Сичес — это Пабло Сичес, брат матери Полины Виардо, и его жена. Из obsługi в письмах Тургенева упоминаются служанка Вероника и конюх Жан. Какой сюжет, в который посвящена Полина, обдумывает Иван, можно только догадываться.

Полагаю, что это мог быть сюжет «Завтрака у предводителя», поскольку именно эта комедия выйдет из-под его пера как раз летом 1849 года.

Продолжу цитирование: «Я размышлял в течение часа, затем читал по-испански, затем написал полстраницы на этот сюжет, затем отправился в большую гостиную, где с удивлением увидел, что еще только два часа. Тогда я в продолжение трех четвертей часа занимался с Луизой, которая начинает забывать немецкий язык, но сделала очень немного ошибок в диктанте; потом я отправился гулять один, а после моего возвращения все общество (вместе со мною) отправилось гулять до обеда, который был в пять часов. Потом спал до 9 часов, вследствие усталости, вызванной двумя прогулками. В 9 часов принесли чай... Наконец, насладившись в течение часа обществом себе подобных..., мы встали со своих мест, взяли светильники, пожелали друг другу доброй ночи и легли в постели, где тотчас заснули»²².

Описан длинный, прямо-таки безразмерный летний день, день, в котором отсутствует главное — смысл, одушевляющее начало. Большая часть этого дня для автора письма уходит на сон: утренний, дневной, ночной. На «полезное» тратится не так много времени — 45 минут урок немецкого с Луизой, час с чем-то на обдумывание и записывание сюжета. Остальное — прогулки, еда и сон.

Но не пропустим продолжение письма на следующее утро: «Я провел все утро в парке. Что вы делали в эту минуту? Вот вопрос, который мы (я. — И. Ч.) задаем себе каждую четверть часа». И далее приписка по-немецки, что означает, что обращена она именно к Полине²³ и не может быть вслух прочитана Луи, как наверняка читалась первая часть письма: «Вы должны теперь думать обо мне, потому что я все это время погружен в воспоминания о вас — любимая, дорогая»²⁴.

Вот то одушевляющее начало, которого не хватало описанию «первого дня без Полины».

Именно эта постоянная мысль о ней, сопровождавшая Ивана, придавала куртавнельским летним дням смысл и значение.

Следующую весну и начало лета 1850-го Тургенев снова в Куртавнеле. Полина опять на гастролях, Тургенев проводит дни с Шарлем Гуно, приехавшим с матерью в имение Виардо по приглашению Полины, — у композитора умер старший брат. Гуно сочиняет музыку к опере «Сафо», где заглавная партия предназначена для Полины Виардо. Тургенев также занят работой, он пишет пьесу «Месяц в деревне», речь о которой у нас впереди. Оба приятеля влюблены в певицу, вечерами посвящают свободное время разговорам о ней... И понятно, что Тургенев ревнует Полину к музыканту.

²² Письма, т. 2, с. 408.

²³ Немецкий был для Полины и Ивана языком их любви, Луи Виардо немецкого языка не знал.

²⁴ Письма, т. 2, с. 409.

Приведу здесь — в отрывках — одно любопытное письмо Ивана Тургенева, опубликованное английским исследователем Патриком Уоддингтоном и адресованное английскому журналисту — обозревателю «Атенеума» Чорли, с которым русский писатель познакомился в Париже весной 1849 года. Оно прекрасно передает атмосферу, в которой жил Иван Сергеевич в период, предшествующий его отъезду в Россию²⁵.

Это письмо писалось в Париже 6 ноября 1849 года.

(с французского)

«Начну, пожалуй, с сообщений о нашем друге (имеется в виду Полина Виардо. — И. Ч.): она была „rather nervous“²⁶ на первом представлении (оперы Мейербера „Пророк“, где пела партию Фидес. — И. Ч.) из-за распространившегося слуха, что ей хотят устроить скверный прием, дабы наказать за то, что она принимала участие в республиканском банкете в Лондоне. Этот банкет, как вы знаете — нелепая басня — но эти ДОБРОПОРЯДОЧНЫЕ и УМЕРЕННЫЕ господа не слишком-то разборчивы, когда речь заходит о том, чтобы оклеветать и оскорбить людей, которые не в состоянии себя защитить. Госпожу Виардо приняли превосходно... Но, начиная со второго спектакля она предстала еще более блистательной, чем когда-либо. Вы, должно быть, читали в газетах, что она также пела „Реквием“ Моцарта на похоронах бедного Шопена (в октябре 1849 года, Шопена похоронили на кладбище Пер Лашез, ему было 39 лет. Реквием исполнялся в церкви Мадлен, где была плохая акустика. — И. Ч.).

Тем не менее она спела свою партию великолепно, в том церковном — простом и величественном — стиле, секретом которого она обладает...

Возвращаясь к г-же Виардо, — скажу, что чувствует она себя хорошо и находится in high spirits²⁷ — в состоянии деятельного и вдумчивого оживления, — такая, какой вы ее знаете.

Нынче она в трауре: умерла одна из сестер Виардо (имеется в виду муж Полины Луи Виардо. — И. Ч.). Вы знаете, что в апреле и мае г-жа Виардо отправляется в Берлин петь „Пророка“. Мы прочли с нею в деревне много из „Vanity Fair“²⁸. Это хорошая вещь, сильная и мудрая, весьма остроумная и оригинальная... Но если талант его велик, то приемы мелки и порой немощны... „Пророк“ имеет бешеный успех. Вчера в понедельник ... мне так и не удалось найти себе местечка. Решительно опера опять вошла в моду. Надеюсь, мы будем иметь удовольствие видеть вас здесь зимой; мы все на это рассчитываем. Благодарю вас за упоминание обо мне в ваших письмах к г-же Виардо» (с. 63–64).

Из письма видно, насколько Иван Тургенев вовлечен в дела семьи Виардо и лично Полины. Он посещает все ее спектакли, оценивая исполнение с позиции не просто знатока оперы и пения, но и психологического и эмоционального состояния певицы.

Письмо, обращенное к Чорли, музыкальному обозревателю влиятельнейшего английского литературно-художественного журнала, — это, как мы бы сказали сейчас, еще и попытка «промоушен» творчества певицы, ее дополнительной «рекламы» на берегах Темзы. «Ярмарка тщеславия» Теккеря, действительно прочитанная Тургеневым вместе с Полиной, как кажется, упоминается здесь в основном по причине «британского» происхождения адресата. Но любопытно, что в том же 1849 году Иван и По-

²⁵ Патрик Уоддингтон. Взаимоотношения Тургенева с Генри Фозергиллом Чорли (с приложением неопубликованного письма Тургенева). См. в электронных материалах Пушкинского Дома (с. 58–75), http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Turgenev/Turgenev_Sb_4_Nov.iss/03_Уоддингтон_58.pdf.

²⁶ Довольно нервозна (англ.).

²⁷ В превосходном настроении (англ.).

²⁸ «Ярмарка тщеславия», роман Теккеря (англ.).

лина прочли вместе гётевскую идиллию «Герман и Доротея», написанную гекзаметром, поэму о любви немецкого юноши к беженке-француженке. Поэма эта, как уже говорилось, стала для обоих неким тайным обозначением их собственных чувств...

Не пропустим и благодарность Тургенева британцу за упоминание о нем в письме к Полине Виардо.

Письмо, как кажется, отражает достаточно подчиненное на первых порах положение Ивана Сергеевича в семействе Виардо, он далеко не на равных со знаменитой певицей, он тот, кому позволено находиться возле, он — восторженный и неизменный поклонник, почитатель, поющий дифирамбы и рекламирующий исполнительницу. Да, он знает ее состояние накануне концерта, они вместе читают книги и делятся впечатлениями. И однако... Их положение пока несопоставимо. Он — нуждающийся в деньгах, начинающий русский писатель, она — известная в мире оперная дива, замужняя, имеющая детей, респектабельная дама. Пройдут годы — и все изменится. Из никому не известного русского, пишущего рассказы и пьесы, Тургенев вырастет в международную величину, в классика русской литературы, к тому же наследника богатейшего состояния. Полина Виардо к тому времени уйдет со сцены, ее гастрольные доходы прекратятся, Луи состарится и превратится в брюзжащего инвалида... Теперь уже ни о каком «подчиненном положении» Тургенева не может быть и речи²⁹.

Но вернемся к нашей теме. Итак, Тургенев в годы, предшествующие своему возвращению на родину, живет целиком «миром» Полины Виардо, — ее жизнью, ее пением, их взаимным чувством, при том, что в их паре руководит она, он — подчиняется.

Пьесы, которые в эти годы пишутся им для театра, отчасти об этом свидетельствуют. Но давайте к ним обратимся.

Пьесы 1847–1850 годов

За очень короткий временной промежуток Тургенев написал шесть пьес: «Где тонко, там и рвется» (1847), «Нахлебник» (1848), «Холостяк» (1849), «Завтрак у предводителя» (1849), «Месяц в деревне» (1850), «Провинциалка» (1850). В нашу задачу не входит рассматривать новаторство Тургенева и художественное достоинство его пьес, смысл нашего обращения к пьесам — увидеть в сочинениях, написанных на сюжеты из русской жизни и для русского театра, хотя бы косвенное отражение тех чувств и эмоций, которые владели автором в годы их написания.

Понятно, что всякий автор имеет определенный запас жизненных впечатлений, опыта общения с людьми, столкновения с обстоятельствами, которые могут впоследствии, наряду с воображением и фантазией, послужить источником его творений. Для нашей темы нам кажутся особенно интересными пьесы «Месяц в деревне» и «Провинциалка».

О первой Леонид Гроссман сказал, что она могла быть написана под впечатлением от пьесы Бальзака «Мачеха», сыгранной в Париже в мае 1848 года и имевшей успех³⁰. В своих комментариях Лидия Лотман, не отвергая этой версии, выдвигает свою — влияние на Тургенева Расина, его трагедии «Федра»: «Не исключено, что мысль испытать свои силы в „соревновании“ с Расином, произведения которого он хорошо знал с детства, пришла в связи с успехом Рашели в роли Федры»³¹.

Нам важно, что исследователи видят «источники» комедии Тургенева (конечно же, очень самобытной, очень русской по своим приметам и не похожей ни на «Мачеху», ни на «Федру») в произведениях двух авторов-французов, чьи пьесы именно в это время он видел на парижских сценах.

²⁹ См. на эту тему: Ирина Чайковская. Полина Виардо. Возможность дискуссии. Нева, 2012, № 11, глава «Внутри треугольника. Взаимные отношения».

³⁰ Л. М. Лотман. Драматургия И. С. Тургенева. Полн. собрание соч. и писем Тургенева в 30 т., т. 30, с. 549.

³¹ Там же, с. 551.

Но особенно интересным в связи с нашей темой представляется тургеневский Ракидин, один из персонажей «Месяца в деревне». Актриса Савина вспоминает, что Тургенев как-то ей сказал: «А Ракидин это я. Я всегда в своих романах неудачным любовником изображаю себя»³².

Нужно сказать, что среди этих «неудачных любовников» можно найти очень мало персонажей, столь же неотличимо близких к автору, что и Ракидин³³. Тургенев дает ему множество своих черт, словно напрашиваясь на отождествление с героем. Они одного возраста (Ракидину 30, Тургеневу в год написания 32)³⁴, одного круга, занимают одинаковое двусмысленное положение «друга дома» в семье замужней дамы и — самое главное — оба целиком принадлежат любимой женщине³⁵. Читавшему письма Тургенева к Виардо той поры очень знакома и ситуация, и лексика влюбленного: «Я в вашей власти... делайте из меня, что хотите...»³⁶

Занятия Ракидина в присутствии «дамы сердца» схожи с тургеневскими. Он читает ей вслух французский роман («Граф Монте-Кристо»), всячески развлекает, угождая то и дело сменяющемуся настроению и боясь «приесться», он терзается ревностью... «Дама сердца», как сам он проницательно замечает, играет с ним «как кошка с мышью», одновременно привлекая и отталкивая. Вот она, понизив голос, говорит ему: «Как будто вы не знаете...» — и заканчивает по-французски: «**ЧТО** вы для меня», что-по-видимому означает высшую степень выражения ее чувств, вот радуется его словами: «Мишель, я не могу вообразить себе человека добрее вас... Вы снисходительны, ласковы, постоянны. Вы не изменяетесь»³⁷, но она же может отозваться о нем с пренебрежением: «Ах, ненавижу я этого умника!», и она же, полюбив молодого учителя, приехавшего на кондиции, легко может не пощадить своего постоянного обожателя и согласиться на его отъезд.

Теперь прошу внимания. Что мы знаем об отношениях Натальи Петровны и Ракидина? Только ли *платоническая* эта любовь? Могут ли оба с чистой совестью глядеть в глаза Аркадию Сергеевичу Ислаеву, мужу Натальи Петровны? На этот счет нет никаких сомнений. Вот развернутая характеристика их отношений, данная Натальей Петровной: «Наши отношения так чисты, так искренни... мы с вами имеем право не только Аркадию, но всем прямо в глаза глядеть. Я вас люблю... и это чувство так ясно... так мирно».

И тут нужно сказать о *коренном, кардинальном отличии* Ракидина от самого Тургенева. Мне кажется, что Ракидин и нужен был Тургеневу, чтобы создать своеобразную плотную завесу перед глазами сплетников, старавшихся проникнуть в будуар мадам Виардо, завесу для тех отношений, которые развивались у него с Полиной. Долгое время среди исследователей бытовало мнение о платонических отношениях между Тургеневым и Полиной Виардо, во многом опиравшееся на высказывания самого Тургенева и на ситуации с изображенными им героями, такими, как Ракидин.

Истина открылась при внимательном рассмотрении дневника писателя, названного им «Мемориалом», где Тургенев по годам очень кратко отмечал самые важные со-

³² В комментарии к пьесе, с. 638.

³³ Наиболее близки автору, а порой и сливаются с ним герои «Переписки» (1856), «Фауста» (1856), «Первой любви» (1860), «Вешних вод» (1872).

³⁴ Ракидин ровесник своей «пассии» Натальи Петровны, в то время как муж, Аркадий Ислаев, старше ее на семь лет. Конечно, это не 20 лет — такая разница в возрасте была между Полиной и ее мужем, но соотношение возрастов в пьесе сохраняется: она и он — ровесники и «старый муж».

³⁵ Ракидин о себе: «Ах, как смешны люди, у которых одна мысль в голове, одна цель, одно занятие в жизни. Вот как я, например... Я весь принадлежу ей...»

³⁶ Тексты цитируются по ПСС и писем в 30 т., т. 2.

³⁷ Слова, которые в высшей степени могли быть отнесены к Тургеневу и его отношению к Полине Виардо...

бытия и встречи своей жизни с 1830-го по 1853 год³⁸. Приведу несколько значимых для нас записей.

1843. В ноябре ЗНАКОМСТВО с Полиной

1845. 19/31 декабря Templario — первый поцелуй

1849. Все лето в Куртавнеле без денег. 14/26 июня я в 1-й раз с П<олиной>.

Теперь, я думаю, читателю этой статьи становится понятна огромная *разница* между персонажем пьесы Ракитиным и ее автором. Ракитину позволяется «обожать» на расстоянии, Тургенев же допущен в святая святых. Это окрашивает его письма к Полине 1849—1850 годов совершенно определенной краской. Если первое тайное свидание произошло в Куртавнеле 14 июня 1849 года, а письмо из Куртавнеля с описанием томительного долгого дня пишется Тургеневым 19 июня (сразу по ее отъезде в Лондон), то понятно, что влюбленный еще не отошел от нового своего состояния и спешит заверить возлюбленную в своей любви, очень надеясь, что она тоже думает о нем. Еще раз приведу утреннюю приписку к письму от 19 июня 1849 года, сделанную по-немецки и непонятную мужу: «Вы должны теперь думать обо мне, потому что я все это время погружен в воспоминания о вас — любимая, дорогая»³⁹. Он томится по возлюбленной и хочет, чтобы она знала об этом, находясь на гастролях. Он напоминает в письме, как ровно год назад, 24 июня 1849 года, они вместе читали «Германа и Доротею» в большой гостиной в Куртавнеле. Возможно, упоминание «большой гостиной» в письме не случайно и связано с воспоминаниями не только о совместном чтении, но и об одном из интимных свиданий...

Почему же Тургенев и Полина нигде и никогда не говорили о своей связи, а Иван Сергеевич даже предпочитал жаловаться друзьям на то, что его чувство не имеет отклика?

На этот вопрос я уже отвечала в статье: «Полина Виардо. Возможность дискуссии», опубликованной в журнале «Нева» (2012, № 11). Но повторю. Семья Виардо была буржуазно-респектабельной, у Полины был муж, поначалу всюду ее сопровождавший и занимавшийся ее ангажементом, были дети, число которых росло, к лету 1857 года у четы Виардо было четверо детей. Она считалась серьезной певицей, хозяйкой литературно-музыкального салона, женщиной с незапятнанной репутацией, а совсем не той легкодоступной «дамой полусвета», какую видели завсегдатаи парижских театров в некоторых ее товарках по оперной сцене. Пойдя на связь с Тургеневым, она серьезно рисковала стать лакомой добычей для «парижских сплетников». Но и муж Полины Луи Виардо требовал к себе бережного отношения. Он ни в коей мере не должен был почувствовать себя уязвленным, обманутым. И Тургенев удивительным образом мог прекрасно ладить с мужем своей любимой, делать для него «черновики» переводов на французский язык повестей Гоголя, составлять компанию на охоте... Как мне представляется, главным условием, поставленным Полиной перед нетерпеливым (и любимым ею) русским, было сохранение тайны их отношений. Ни слова никогда, никому, нигде. Как видим, если это так, то Тургенев ее условие выполнил.

У этой темы есть продолжение. Поль, родившийся 20 июля 1857 года, впоследствии ставший скрипачом-виртуозом, внешне очень похожий на Тургенева, подарившего ему ни больше ни меньше скрипку Страдивари, по всей видимости, — сын Полины и Ивана.

Известно, что после смерти матери в 1850 году Тургенев еще шесть долгих лет провел в России — не по своей воле. Как только — с позорным для России окончани-

³⁸ См. в Интернете: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/bio/avtobio/memorial.htm>.

³⁹ Письма, т. 2, с. 409.

ем Крымской войны — завершилось царствование Николая I и, в «промежутке», от нового властителя Александра II, можно было добиться соизволения на получение заграничного паспорта⁴⁰, 38-летний Тургенев этим воспользовался. Летом (21 июля) 1856 года он устремляется в Париж. Полина в это время гастролирует в Лондоне, ее сопровождает Луи. 19 августа того же года Тургенев едет в Лондон. Оттуда все возвращаются в Куртавнель и с 31 августа по 14 октября там находятся. 14 октября из дачного Куртавнеля семья Виардо, а с ними и Тургенев перебираются в Париж. Осень 1856 года — время возможного «зачатия» Поля.

Но это в сторону.

Вернемся к нашей теме. Вторая пьеса, комедия в одном действии, которую Тургенев писал уже в России, в Санкт-Петербурге и успел закончить до того, как срочно выехал в Москву к умирающей матери, носила название «Провинциалка» (1850).

Эта пьеса так же, как и «Месяц в деревне», была отчетливо автобиографична и отчасти навеяна французскими впечатлениями. Зинаида Гафурова говорит о «тени Полины Виардо», которая лежит на этой пьесе. По мнению Гафуровой, Дарья Ивановна, героиня «Провинциалки», многими своими чертами напоминает Полину — возрастом (28 лет); тем, что между нею и ее мужем возрастная разница 20 лет, как и в семье певицы; манерой одеваться просто и со вкусом; интересом к новейшим журналам и книгам; привязанностью к саду; наконец, своей музыкальностью и игрой на фортепиано⁴¹.

К этим справедливым наблюдениям стоит добавить, что вся вторая часть пьесы предельно насыщена музыкой (Дарья Ивановна играет с листа сочинение графа Любина, романс на стихи Метастазии, который тот поет под ее аккомпанемент), к тому же эти два главных героя общаются почти исключительно по-французски.

Но в пьесе отразились не только французские впечатления автора. Дарья Ивановна — воспитанница матери графа Любина, они знакомы еще по тем годам, когда оба жили в имении Катерины Дмитриевны, матушки графа. Знаменательно, что имение это, где теперь остановился граф, называется Спасское. Все эти подробности взяты Тургеневым из собственной биографии. В доме его матери в Спасском жили воспитанницы, и одна из них, Варвара Богданович, в замужестве Житова, была любимицей Варвары Петровны Тургеневой, называвшей ее Биби и всячески баловавшей⁴². В пьесе Дарья Ивановна говорит о своей «благодетельнице»: «... я имела счастье быть воспитанной в доме вашей матушки»; «Я в нем провела лучшее время моей жизни». Все содержание диалогов «провинциалки» и графа Любина, собственно, и сводится к воспоминаниям о том времени. Времени, памятном как Дарье Ивановне, так и графу. Если обратиться к возможной жизненной «матрице» отношений главных героев, то нужно сказать, что к Вареньке, тогда еще подростку, 25-летний Иван Сергеевич испытывал романтическое чувство, о чем свидетельствует посвященное ей стихотворение (опубликовано Тургеневым в № 3 журнала «Современник» за 1844 год с посвящением «В. Н. Б.» (Варваре Николаевне Богданович). Заканчивается оно так:

И только для тебя в душе моей суровой
И нежность, и любовь я свято берегу.

⁴⁰ В письме к Полине Виардо Тургенев пишет, что надеется в июле получить у царя разрешение на поездку за границу. См. Летопись жизни творчества И. С. Тургенева (1818–1858), с. 329.

⁴¹ Зинаида Гафурова. «Провинциалка». 170 лет на русской сцене. Доклад из цикла «Тургенев: ближний круг», прочитанный 15 мая 2021 года на Тургеневском обществе в Москве. On-line трансляция.

⁴² О судьбе Вареньки Богданович см. мою статью «Судьба Биби. Варвара Богданович и Иван Тургенев». Нева, 2018, № 5.

К судьбе Варвары Николаевны Богданович-Житовой мы еще вернемся. Скажу еще, что, по всей видимости, жизненный прототип Дарьи Ивановны Ступеньдьевой не сводится к одной женской фигуре, будь то Полина Виардо, Варвара Богданович-Житова или Елизавета Шеншина, дочь большой и чуть ли не единственной приятельницы Варвары Петровны Тургеневой⁴³. Варвара Петровна очень хотела, чтобы сын женился на Лизе, Елизавете Карповой (в замужестве Шеншиной), которой я еще посвящу несколько слов в этой работе.

А пока хочу сказать, что мир воспоминаний и живых впечатлений от пребывания в России, в котором драматург черпает характеры и ситуации для своей пьесы, подвергается некой сознательной деформации, воссоздается в ярко комедийном ключе. И главный источник комедийности — граф Любин.

Он — третий в незадавшемся треугольнике, где членами выступают Дарья Ивановна и ее глуповатый недотепа муж Алексей Ступеньдьев, уездный чиновник 48 лет, также поданный драматургом в комическом ключе. Треугольник не задался потому, что по всем правилам третьим его членом должен быть любовник супруги, дурачащий глупого, недоверчивого и таки обманутого мужа. Правила эти прекрасно описал Пушкин в «Евгении Онегине», рассказывая о похождениях героя, умевшего ладить с мужьями своих пассий: «Его ласкал супруг лукавый, Фобласа давний ученик, / И недоверчивый старик, / и рогоносец величавый». Однако графу Любину, явно пленившемуся пикантной провинциалкой, счастье взаимности не светит. Похоже, автор пьесы все усилия кладет на то, чтобы показать благородство одураченного графа, который, несмотря на свой явный афронт, хочет устроить «провинциалке», ее мужу и их воспитаннику Мише переезд в Санкт-Петербург.

Правильно замечает Гафурова: «Ее (Дарья Ивановны. — И. Ч.) флирт с графом Любиным выглядит как турнир, в котором побеждает женщина». Все так, но при этом нужно непременно сказать, что автор делает обоих мужчин, Ступеньдьева и графа Любина, персонажами комическими.

Вспомним признание Тургенева в передаче Марии Савиной: «Я всегда в своих романах неудачным любовником изображаю себя». Сказано это было по поводу Ракитина из «Месяца в деревне». Но и «неудачный любовник» граф Любин, как мы показали, — отчасти сам Тургенев. Зная подлинные отношения Тургенева и Полины Виардо, можно сказать, что эти автопортретные персонажи — некая сознательная дезориентация читателя и зрителя, увод в сторону. Больше того, мне кажется, что эти две пьесы в какой-то мере ориентированы на чету Виардо — Луи и Полину — как главных читателей и зрителей. Тургенев приветственно машет им обоим со страниц и подмостков. Он сделал так, что Луи останется доволен высоконравственным поведением героев, а Полина увидит, с каким искусством ее друг уводит любопытствующих от ее алькова.

О том, что пьеса напрямую обращена к Полине и содержит тайный шифр для нее, говорит такая деталь. В 23-м явлении граф, стоя на коленях, признается Дарье Ивановне в нежных чувствах. Это комическая сцена, так как бедняга долго не может встать с колен, а его «предмет» над ним смеется и не хочет помочь; в итоге ему помогает неожиданно появившийся Ступеньдьев, муж. Но вот какую фразу произносит граф, стоя на коленях: «Je vous aime, Dorothei... Et vous?» В переводе с французского эта фраза звучит так: «Я вас люблю, Доротея... А вы?» Это, на мой взгляд, прямое обращение автора к любимой. Не случайно здесь появляется непонятно откуда взявшееся имя Доротея. Для Полины и Ивана это имя — «их знак», воспоминание о совместном чтении гётевской поэмы и обо всем, что за ним последовало...

⁴³ Мария Михайловна Карпова.

Двоемирье

Тургенев, приехав в Россию, живет в «двоемирье». Поверяя практически в ежедневных письмах-отчетах свои впечатления, мысли и намерения французской возлюбленной, он волей-неволей подстраивается под ее восприятие чуждого ей уклада, образа жизни, даже звучание слов...

Вот маленький пример.

В письме от 9 сентября 1850 года Тургенев описывает Полине свое путешествие за 30 верст от деревни Тургенево, где он тогда жил, на именины к своей «прежней любви». Речь идет об Елизавете Дмитриевне Карповой, в замужестве Шеншиной. В письме к обоим Виардо от 18 сентября того же года в конце есть такой пассаж: «Хотите ли вы знать имя моей ПРЕЖНЕЙ любви, о которой я вам рассказывал три недели назад? Ее зовут Лизой Шеншиной. Смешное имя, не правда ли? Вроде Философова» (Письма, т. 2, с. 360).

По-русски имя Лиза Шеншина самое обычное, отнюдь не смешное. Но Тургенев пишет по-французски и проверяет слова на восприятие французского уха. Он чутко улавливает, как эти звуки слышит Полина и его оценка сливается с оценкой любимой женщины. Кстати, и характеристика «прежней любви» целиком с критической стороны (изменилась и постарела, красный цвет лица, фальшивый хвост, фальшивая игра страшно устаревших музыкальных пьес и проч.) также должна была успокоить Полину⁴⁴.

С другой стороны, Тургенев принимает, присваивает некоторые обычаи, которые не были характерны для русского общества и даже могли показаться диковатыми. В приписке по-немецки в письме к Полине Виардо от 26 сентября 1850 года Иван Сергеевич благодарит ее за присланные в письме ногти: «Тысяча благодарностей за милые ногти!» Взамен он посылает Полине прядь волос, что более соответствует обычаям русской дворянской молодежи того времени. Есть у него и просьба: «Прошу вас прислать мне лепесток из-под вашей ноги». И заканчивает: «Целую милые, дорогие ноги»⁴⁵. Последний оборот «Целую ваши ноги» был принят в куртуазных кругах романских стран, в частности в Испании, откуда было родом семейство Виардо. Римскому папе, как известно, также было принято целовать ногу (туфлю). В русской же традиции такого обычая не было. Русские дворяне целовали дамам, как и священнослужителям, исключительно ручки...

В письме Тургенева немецкий язык свидетельствует, что приписка адресована только Полине и носит интимный характер. Так что оборот «целую ваши ноги» обыгрывается влюбленным, принимая несколько иной, неформальный вид: «Целую милые, дорогие ноги».

Подведя итог этой части нашей работы, скажем, что если постараться дать определение чувствам и переживаниям Ивана Тургенева сразу по приезде в Россию, летом и осенью 1850 года, можно сказать, что он живет в «двоемирье». Его «дом», любимая женщина и ее семья, ставшая его семьей, остались «там», а пребывает он, надеясь

⁴⁴ Приведу здесь, какой видела Елизавету Шеншину ее соседка по имению А. Д. Беер: «Она вполне женщина для общества, а всю жизнь провела в среде семьи, маленького городишки и деревенских соседей; не зачерствела и во всем принимает участие. Мне всегда весело встретить эту живую восприимчивую женщину. Елизавета Дмитриевна всегда была хорошей семьянинкой, а это не последнее» (на сайте Орловского объединения государственного литературного музея И. С. Тургенева. Дворянские гнезда вокруг Тургенева, т. VI). Если добавить, что Фет считал Лизу Шеншину красавицей, можно увидеть в ней еще один «прототип» тургеньевской «провинциалки». Но как уже отмечалось, скорее всего, в этом образе слились черты сразу нескольких встреченных Тургеньевым женщин.

⁴⁵ Письма, т. 2, с. 361.

на скорое возвращение, «здесь». В свой 33-й день рождения⁴⁶, 28 октября 1850 года, Иван Сергеевич пишет Полине: «И мне радостно сказать вам по истечении 7 лет, что я ничего не видел на свете лучше вас, что встретить вас на своем пути было величайшим счастьем моей жизни»⁴⁷.

Смерть матери

Вся первая часть моей работы была направлена на то, чтобы показать, насколько важную роль играла Полина Виардо в жизни Тургенева после его приезда в Россию в 1850 году. Есть несколько эпизодов в его письмах после смерти матери, касающихся Варвары Петровны Тургеневой и Варвары Николаевны Богданович, которые мне хочется рассмотреть именно под этим углом.

Но вначале несколько слов о событии, которое можно назвать рубежным в жизни писателя. Рубежным, поскольку в 32 года он наконец становится вполне свободным (до того если не всегда материально, то морально он от Варвары Петровны зависел) и вполне обеспеченным. Уже через неделю после ухода Тургеневой он сообщает Полине Виардо: «У меня будет во всяком случае не меньше 25 000 франков дохода, а это уже БОГАТСТВО»⁴⁸.

Рассмотреть это событие нужно и по той причине, что непосредственно с ним будут связаны эпизоды, нуждающиеся в объяснении.

Итак, 16/28 ноября 1850 года в Москве умирает мать Тургенева. Варвара Богданович-Житова, 17-летняя воспитанница Варвары Петровны Тургеневой, жившая вместе с нею, вспоминает:

«В двадцатых числах октября Николай Сергеевич, извещенный о близости кончины матери, время которой Иноземцев (врач. — И. Ч.) почти определил, приехал с семьей своим в Москву, в свой пречистенский дом»⁴⁹. Старший сын боится показаться на глаза матери, продолжавшей на него гневаться из-за его женитьбы на Анне Яковлевне Шварц, ее камеристке, потому прибегает в «дом Лошаковского» тайком — узнать о здоровье матери. Варвара Петровна в ссоре и со своим младшим сыном, любимцем Иваном. Когда 28 октября Варвара Богданович, войдя в спальню Тургеневой, «с дрожью в голосе», напоминает ей, что сегодня день рождения Ивана Сергеевича, глаза той «наполнились слезами»... но она прогнала Вареньку: «Иди! Иди!»

Мемуаристка резюмирует: «... виноваты они против матери не были... Да она их и не считала виноватыми — из ее дневника мы это ясно видим». И продолжает: «Призвать их, значило бы уступить, — а в ней текла все та же лутовиновская кровь»⁵⁰.

Варвара Петровна, по словам мемуаристки, исповедовалась и причастилась, а за день до кончины сказала: «Николая Сергеевича!»

Дальше цитирую: «Вскоре вошел Николай Сергеевич. Он бросился на колени возле кровати матери. Она притянула его к себе слабой уже очень рукой, обняла его, поцеловала и точно умоляющим шепотом произнесла:

— Ваню! Ваню!

— Я сейчас пошлю эстафету, тамап, — ответил ей сын»⁵¹.

⁴⁶ В письме к Виардо ошибочно указано 32 года.

⁴⁷ Санкт-Петербург, 28 октября 1850, Письма, т. 2, с. 366.

⁴⁸ Письма, т. 2, с. 371.

⁴⁹ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 161.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, с. 163.

Как известно, Иван Сергеевич не только не застал мать в живых, но и приехал, когда ее уже похоронили. Мемуаристка недоумевает: «Как это случилось? Почему это случилось? Осталось для меня загадкой. Еще до выраженного матерью желания видеть его времени было достаточно, чтобы известить его о предстоящей ее кончине. Дано же об этом было знать Николаю Сергеевичу»⁵². Николая Тургенева, как мы знаем, оповестил доктор Иноземцев — в конце октября. Возможно, Ивана Сергеевича должен был вызвать брат, узнавший о состоянии матери...

В 1880 году, в преддверии Пушкинского праздника, Варвара Богданович-Житова в последний раз видела Тургенева, приехавшего в Россию на Пушкинские дни. Она приводит тогдашний разговор:

«Грустно мне, очень грустно, — говорил он мне, — что сделано было так, что я не был ни при кончине матери, ни при кончине брата»⁵³.

Задаюсь вопросом: кем сделано? Кто был в этом заинтересован? Николай Сергеевич не мог быть заинтересован в том, чтобы Ивана не было при кончине и на похоронах матери. У братьев были хорошие отношения, да и Николай был «благороден» до щепетильности. А кто мог быть заинтересован в том, чтобы Иван не был при кончине брата? Наследство — и матери, и отца — давно уже было между ними поделено...

Позволю себе высказать одну мысль. Безличная конструкция «сделано было» говорит о неопределенности лица, повлиявшего на событие. Уж не судьба ли все подстроила? Мне кажется, сам Иван Сергеевич не очень хотел присутствовать «при кончине» и на похоронах близких и друзей. Ему хватило ранних юношеских впечатлений от смерти отца, умершего в 1833 году в возрасте 40 лет от мочекаменной болезни. Ивану было всего 15 лет, и трехдневные мучения Сергея Николаевича и последующие похороны — в отсутствие матери (которая была в это время за границей и не спешила возвращаться) — сильно подействовали на психику юноши. Впоследствии он избегал таких ситуаций... Не хоронил ни родных, ни друзей, даже таких близких, как Белинский и Герцен.

В Москву из Петербурга он прибыл в день похорон матери, когда, как пишет Варвара Богданович-Житова, «мы уже вернулись с кладбища Донского монастыря, где погребли Варвару Петровну»⁵⁴.

В письме к Полине Виардо от 16/28 ноября 1850 года Иван Сергеевич сообщает, что только что получил письмо с известием, что мать при смерти, и сегодня же вечером едет в Москву. Кончается письмо так: «Через *три дня* (выделено мною. — И. Ч.) напишу вам из Москвы».⁵⁵ Тургенев рассчитывает добраться из Петербурга в Москву за три дня. Но выехав из Северной столицы вечером 16/28 ноября, он приехал на место только 21 ноября, пробыв в пути *пять суток*. В комментарии говорится, что в осенний период это было обычным — «до открытия движения по железной дороге в 1851 году».

Если посмотреть историю Николаевской железной дороги, то там написано, что ДО появления железной дороги путь между столицами занимал *трое-четверо* суток. Как бы там ни было, помешали ли ему осенняя грязь и слякоть или по какой-то иной причине, но добирался Иван Тургенев долго и, скорее всего, не спешил, так как совсем не жаждал присутствовать ни при кончине матери, ни на ее похоронах.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с. 173.

⁵⁵ Письма, т. 2, с. 370.

**Некоторые последствия жизни в двоимирье.
Варвара Тургенева и Варвара Богданович
в письмах Тургенева к Полине Виардо**

Варвара Петровна Тургенева

В письмах к Полине Виардо мы встретим несколько рассказов о Варваре Петровне, которые представляются не вполне точными.

И первый рассказ связан с тем, чего сам Иван Сергеевич не видел, — с последними минутами жизни Варвары Петровны. Вот отрывок из письма от 24 ноября 1850 года (прошла неделя со смерти матери): «Ее последние дни были очень печальны. Избави бог всех нас от такой смерти! Она старалась только оглушить себя — накануне смерти, когда уже начиналось предсмертное хрипение, в соседней комнате, по ее распоряжению, оркестр играл польки. К умершим подобает относиться только с уважением и сожалением — поэтому не скажу вам больше ничего»⁵⁶.

Польки, которые играют оркестром во время агонии, да еще и по приказу самого умирающего, — это, конечно, ужасающий штрих, достойный таланта Шекспира. Откуда Иван Сергеевич, сам при этом не присутствовавший, мог узнать эту поражающую воображение подробность? О ней могли знать брат Николай и Варвара Богданович-Житова, сидевшие в соседней с умирающей комнате. Но в воспоминаниях Варвары Николаевны Житовой говорится, что в свои последние дни Варвара Тургенева «смогла». Там же читаем, что перед кончиной она исповедовалась и причастилась⁵⁷. А непосредственно перед смертью, во время агонии, при которой присутствовали только двое — Николай Тургенев и Варенька, — «священник успел прочесть отходную». «Это было без десяти минут двенадцать 16 ноября 1850 года», — завершает Варвара Житова свой рассказ⁵⁸. Трудно представить, что в это время в соседней комнате оркестр играл польки...

Мне кажется, что «оркестр и польки» — плод воображения Ивана Сергеевича, которому очень хотелось поразить Полину «причудами» своей матери, о деспотизме и своеволии которой она, конечно же, была наслышана.

Еще один отрывок из письма Ивана Тургенева Полине Виардо: «Моя мать умерла, не оставив никаких распоряжений, множество существ, зависевших от нее, остались, можно сказать, на улице; мы должны сделать то, что она должна была бы сделать»⁵⁹.

Между тем это не совсем так. Варвара Петровна позаботилась о нескольких людях, наиболее к ней близких. В первую очередь это Варвара Николаевна Богданович, которой наследники должны были выплатить 15 000 серебром⁶⁰, а также в самый день смерти Тургенева составила какую-то бумагу в присутствии близкой приятельницы Анны Ивановны Киреевской и деверя Петра Николаевича Тургенева, в которой также что-то отписывала своей воспитаннице (о чем речь впереди)⁶¹. Кроме того, она

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Исповедовал, причащал, а потом отпевал Варвару Петровну отец Павел (Петрович Виноградов). См.: Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838—1944), Тула: Гриф и К^о, 2012, с. 544, сноска 2.

⁵⁸ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 163.

⁵⁹ Цитируется все то же письмо от 24 ноября 1850 года. Письма, т. 2, с. 370.

⁶⁰ Первоначально вексель до совершеннолетия Вареньки был дан Андрею Евстафьевичу Берсу, домашнему врачу и поверенному в делах, но перед смертью Тургенева сделала на векселе передаточную надпись на имя Варвары Богданович.

⁶¹ В книге Житовой говорится об этом так: «...в их присутствии высказала и подписала свои последние заботы обо мне» (с. 163).

просила сыновей наградить и дать вольную своим самым преданным дворовым — своему дворецкому и секретарю Лобанову и крепостному доктору Кудряшову. Варвара Житова пишет об этом так: «Мне продиктовано было следующее письмо:

„Милые мои дети, Николай и Иван!

Приказываю вам по смерти моей выдать вольную Полякову (под этим именем в записках Житовой скрывается Лобанов, — И. Ч.) и всему его семейству и выдать ему 1000 руб. награждения; а также доктору моему Порфирию Тимофееву (в записках он фигурирует как Порфирий Тимофеевич Карташов, настоящая его фамилия — Кудряшов. — И. Ч.) вольную и 500 руб. награждения“. Подписано ее рукою: „Любящая вас мать Варвара Тургенева“.

Подписав это письмо, она отдала его мне. — Береги это письмо у себя, — сказала она, — и когда я умру, отдай его им, и скажи, что я требую, чтобы они исполнили мою последнюю волю»⁶².

Все в том же письме к Полине Виардо, описывая кончину матери, Тургенев допускает еще одну неточность.

Он пишет: «...прибавлю лишь еще одно слово: мать моя в последние свои минуты думала только о том, как бы — стыдно сказать — разорить нас — меня и брата, так что последнее письмо, написанное ею моему управляющему, содержало ясный и точный приказ продать все за бесценок, поджечь все, если бы это было нужно. Чтобы ничто не... Но делать нечего — все надо забыть — и я сделаю это от души теперь, когда вы, мой исповедник, знаете все».

И опять, обратившись к запискам Варвары Николаевны Богданович-Житовой⁶³, мы можем внести некоторые коррективы в рассказ Ивана Тургенева. Да, в доме на Остоженке происходила семейная драма, связанная с нежеланием матери при жизни разделить наследство между сыновьями. Полное безденежье заставило сыновей попросить мать определить им хотя бы небольшой доход. И та — согласилась. Дальше привожу кусочек из воспоминаний: «Действительно, в одно утро главному конторщику Леону Иванову отдан был приказ написать на простой бумаге две дарственные, по которым Варвара Петровна именье Сычево отдает в распоряжение сына Николая, а Кадное — сыну Ивану. Дарственные эти написаны дома без соблюдения законных форм»⁶⁴. В таком виде, без подписи и печати стряпчего-нотариуса, они, естественно, не могли считаться реальным документом. Но Варваре Петровне вольно было играть в эту игру со своими сыновьями, конечно же оскорбленными таким явным обманом. Знала ли она, что для того, чтобы вступить в силу, документы должны быть заверены стряпчим? Не могла не знать. Но вот и документы для Вареньки, приготовленные в день смерти, нотариально не были оформлены и посему не имели никакой цены...

К тому же сама Варвара Петровна к своему «дарению» отнеслась вполне серьезно. Настолько серьезно, что испугалась, что не получит дохода с этих двух имений. Продолжаю цитировать Богданович-Житову: «Леон Иванов сообщил им (сыновьям. — И. Ч.), разумеется тайно от своей барыни, что в это же утро старостам обоих имений по почте был послан приказ, немедленно и не останавливаясь дешевиною цен, продать в даренных имениях весь хлеб, имеющийся на гумнах и на корню. Спасскому же

⁶² В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 160.

⁶³ Возможно, кто-то спросит, почему я больше верю какой-то Житовой, чем Тургеневу. В. Н. Житова была непосредственной свидетельницей событий, причем по всему видно, что в книге старалась быть беспристрастной. Ее записки оканчиваются смертью Варвары Петровны, после которой она, 17-летняя барышня, по сути, была выгнана из дома. Но о своих переживаниях и перипетиях своей незадавшейся жизни в ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ она в книге не говорит. Удивительно, что к братьям Тургеневым, не очень справедливо к ней отнесшимся, она сохраняет светлые чувства, а к Ивану Сергеевичу относится с бесконечной любовью.

⁶⁴ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 139.

главному управляющему другой приказ: наблюсти за скорейшей продажей хлеба в вышесказанных имениях и вырученные от продажи деньги немедленно выслать в Москву на имя самой Варвары Петровны»⁶⁵. Скупа была матушка, при жизни не хотела делиться, к тому же желала держать сыновей в своей воле, а значит, без самостоятельных источников дохода.

Все это случилось летом, за несколько месяцев до смерти Тургеневой, да и ее приказания касались отнюдь не всего имущества, а только двух деревенок, которые она якобы отписала сыновьям.

Из всего сказанного можно сделать вывод.

В письме к Полине Виардо Тургенев, подстраиваясь к восприятию своей корреспондентки, сгущает краски, допускает нагнетание смысла, преувеличения и порой, как в случае с «польками» во время агонии, прямую фантазию... Во всех приведенных эпизодах он педалирует «демонические качества» Варвары Петровны, отсутствие у нее любви не только к окружающим ее людям, служившим ей верой и правдой, но даже к своим сыновьям (чего на самом деле не было, Ивана она любила безумно). Одновременно он рисует Полине и другую сторону Варвары Петровны: «С прошлого вторника у меня много разных впечатлений. Самое сильное из них было вызвано чтением дневника моей матери... Какая женщина, друг мой, какая женщина! Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. Да простит ей бог все... но какая жизнь»⁶⁶. Тургенев изображает свою мать, используя свой дар художника, такой, какой хочет, чтобы ее увидела Полина: женщиной неординарной, с сильными страстями и совершенным чудовищем в нравственном смысле... Настоящая «темная» героиня какого-нибудь тогдашнего романа (такая, как Миледи у Дюма-старшего, Ребекка Шарп у Теккерея) или оперная злодейка.

Варвара Богданович

При жизни Варвары Тургеневой

Про Вареньку Богданович я подробно писала в отдельной большой статье, содержание которой не буду здесь повторять⁶⁷. Напомню только некоторые важные моменты ее биографии.

Варенька родилась в 1833 году и тогда же или несколькими годами позже стала воспитанницей Варвары Петровны Тургеневой, точнее, ее «приемной дочерью». Происхождение Вареньки до конца не выяснено. Считается, что она побочная дочь домашнего доктора Тургеневых Андрея Евстафьевича Берса. Есть версия, что мать Вареньки, или Биби, как называла ее приемная мать, была сама Варвара Петровна Тургенева, что представляется маловероятным по ряду причин⁶⁸. Варвара Николаевна считала Тургеневу своей родной матерью — исходя из той привязанности, которую та к ней испытывала. В своей статье о Варваре Николаевне Богданович я поддерживаю гипотезу, выдвинутую Еленой Михайловной Грибковой, считавшей Вареньку дочерью Сергея Николаевича Тургенева и княжны Екатерины Львовны Шаховской. По моей версии, в возрасте трех-пяти лет, после смерти отца (1834) и матери (1836), Варенька была взята в дом к Варваре Петровне Тургеневой и воспитывалась у нее, не зная ни в чем нужды; Тургенева, лишив своих родных сыновей денежного содержания, не жалела денег на обучение, наряды и украшения для своей воспитанницы. В своих записках Варвара Николаевна Богданович-Житова честно и с большим сожалением об этом пишет, считая, что такое поведение Варвары Петровны спровоцировало то, что

⁶⁵ Там же, с. 140.

⁶⁶ И. С. Тургенев. Полное собрание соч. и писем в 30 т. Письма, т. 2 (с фр.), с. 375.

⁶⁷ Ирина Чайковская. Судьба Биби. Варвара Николаевна Богданович-Житова и Иван Сергеевич Тургенев. «Нева», 2018, № 5.

⁶⁸ См. мою статью «Судьба Биби. Иван Тургенев и Варвара Богданович».

случилось с ней, ее воспитанницей, впоследствии, при разделе наследства... Мне хочется привести здесь небольшой отрывок из альбома-дневника Варвары Петровны, написанного по-французски и носившего название «Записки своих и чужих мыслей для сына Ивана» (1839—1842).

Вот этот отрывок: «И ныне, когда по воле всевышнего луч света упал в мою мрачную изнемогавшую душу, когда подле меня появился цветок, чарующий мои привычные к слезам глаза, теперь, когда это невинное дитя вручено великодушным человеком, моим мужем (как Иосиф был твоим мужем), даруй мне, пречистая дева, утешение улыбнуться от радости, позволь мне сложить у твоих ног мое счастье, мою надежду, прими в дар этого ребенка, пусть твое всемогущее заступничество привлечет на (имя собственное зачеркнуто. — И. Ч.) благословение твоего небесного супруга. Мой брак бесплоден навсегда, вечная пропасть — между моим ложем и ложем человека, имя которого я ношу. Позволь же, о Мария, перенести на ребенка, которого я сейчас целую, всю любовь, что я дала бы нашим законным детям...»⁶⁹

Т. Н. Волкова считает этот отрывок доказательством того, что матерью Варвары Богданович была Варвара Петровна Тургенева, мне же он представляется прямым подтверждением отцовства Сергея Николаевича, поручившего своей жене ребенка, прижитого от другой⁷⁰.

Каковы были отношения между Иваном Тургеневым и Варенькой Богданович?

Судя по воспоминаниям Варвары Николаевны Богданович-Житовой, были они дружескими. В письмах к сыну Варвара Тургенева не пропускала возможности упомянуть Биби, и обычно с лестными характеристиками. Она даже перебарщивала в похвалах воспитаннице, сознательно возбуждая ревность любимца — Ивана. Тургенева включала Биби, наряду с Иваном и Николаем, в число своих «деточек», но в отличие от сыновей баловала девочку, наряжала и дарила драгоценности, беря деньги на эти траты из доходов с села Холодова, которое неофициально числилось за Варварой Богданович. Сына Ивана мать прочила в «покровители» Биби после своей смерти. Можно предположить, что девочка унаследовала прелесть своей матери, княжны Екатерины Шаховской (если наша гипотеза происхождения Биби верна). В пору своей юности Иван был безнадежно влюблен в княжну. И вот — стихотворение, посвященное ее дочери и опубликованное в № 3 «Современника» за 1844 год. Варвара Николаевна Богданович не приводит его в своих записках, почему? Не из того ли чувства «деликатного умолчания», которое не позволило ей написать ни одного недоброго слова о братьях Тургеневых, практически лишивших ее крова? В случае со стихами ей по-видимому, не хотелось слишком выпячивать свою роль в жизни Тургенева...

Когда в весенний день, о ангел мой послушный,
С прогулки воротясь, ко мне подходишь ты
И, руку протянув с улыбкой простодушной
Мне подаешь мои любимые цветы,

⁶⁹ Т. Волкова. В. Н. Житова и ее мемуары <http://iturgenev.ru/books/item/f00/s00/z0000018/st001.shtml>.

⁷⁰ В моей статье о судьбе Биби этот отрывок не приводится. Еще раз его прочитав, я начинаю сомневаться в том, что Иван Сергеевич считал «отцом» Вареньки Берса. Все же жизненные факты, описанные им в повести «Первая любовь», где княжна Засекина имела ребенка от связи с отцом повествователя, совпадение дат — 1833 год как год рождения Вареньки и время событий повести, бесконечные намеки матери на то, что «много скрыто то, что со временем откроется не к беславию вашему. Все мои поступки чисты... святы. И сын может на них смотреть — не увидит пятна» (Варвара Тургенева. Твой друг и мать, с. 69), выделенное положение Вареньки в семье, а также прочитанный Иваном Сергеевичем в ноябре 1850 года материнский альбом-дневник с признанием, что «невинное дитя было ей вручено великодушным человеком, (ее) мужем», заставляет думать, что Тургенев не мог не догадываться о происхождении Биби.

С цветами той руки тогда не разлучая,
Я радостно прижмусь губами к ним и к ней...
И проникаюсь весь, беспечно отдыхая,
И запахом цветов, и близостью твоей.
Гляжу на тонкий стан, на девственные плечи,
Любуюсь тишиной больших и светлых глаз
И слушаю твои младенческие речи,
Как слушал некогда я нянюшки рассказ.
Гляжу тебе в лицо с отрадой, сердцу новой,
И наглядеться я тобою не могу...
И только для тебя в душе моей суровой
И нежность, и любовь я свято берегу.

1843, Т. Л. (Тургенев-
Лутовинов. — И. Ч.)

До смерти Варвары Петровны отношения Тургенева с Варенькой были, судя по всему, достаточно ровные. Приехав весной 1850 года в Россию и занявшись решением их с братом имущественных проблем, он нашел в Вареньке союзника. Это юная барышня видела назревающую, а потом и разразившуюся «семейную драму» между матерью и сыновьями. Так получилось, что волей-неволей она стала посредницей в их переговорах, передавая сыновьям, жившим в отцовском Тургеневе, приказы и распоряжения Варвары Петровны. Она же была свидетельницей «бунта» Ивана Сергеевича, когда он, не сдержавшись, высказал матери все, что у него накопилось на душе: «...да кого ты не мучаешь? Всех! Кто возле тебя свободно дышит?.. Кто возле тебя счастлив? ...Ты всех делаешь несчастными... Тебя все страшатся, а между тем, тебя бы могли любить».

Мемуаристка вспоминает, что сцена эта закончилась громким криком Варвары Петровны: «Нет у меня детей. Ступай!» И дальше мы читаем: «Проходя через залу, Иван Сергеевич увидал меня; я платком старалась заглушить крик и рыдания, готовые вырваться из груди; он положил мне руку на плечо.

— Перестань, ты опять заболеешь...⁷¹ что делать! Я не мог! — и слезы текли по щекам его»⁷².

Скажут, что я ссылаюсь на воспоминания только одной из участниц. Да, к сожалению, других свидетельств у нас нет. Иван Сергеевич высказал отношение к своей матери в тех письмах, о которых у нас шла речь, не будем забывать и повесть «Муму», имеющую, как известно, биографическую основу. Понятно, что бунт против матери был для Тургенева тяжел. Что до роли Вареньки в этой истории, то я верю ее рассказу. Эта женщина много выстрадала в последующей жизни — и не ожесточилась.

За пять дней до смерти Варвары Петровны, в ноябре 1850-го, Тургенев из Санкт-Петербурга пишет письмо на имя В. Н. Богданович-Лутовиновой. Оно сохранилось, но нет того письма от Варвары Николаевны, в ответ на которое оно написано. Переписка Тургенева с Варварой Николаевной Богданович, как кажется, в это время условна. 17-летняя Варенька, конечно же, пишет под диктовку Варвары Петровны.

Судя по ответу, в письме Вареньки говорилось о плохом состоянии Тургеневой и содержалась просьба скорее приехать. В ответном письме Тургенев пишет: «Я думаю выехать отсюда через две недели... Поклонитесь от меня маменьке и скажите ей, что я перед отъездом ей напишу». Кроме того, Тургенев, по-видимому, в ответ на прось-

⁷¹ До этого, присутствуя при очередном выяснении отношений сыновей и Варвары Петровны, Варенька не выдержала: у нее пошла горлом кровь.

⁷² В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 150–151.

бу купить Вареньке часы на присланные для сего деньги (100 р. сер.), пишет, что часы, «от первого женевского мастера», купил и надеется, что они понравятся. На часы Тургенев потратил 85 р. сер. и оставшиеся 15 р. думал потратить на серьги, но с розовыми камнями «теперь никто не носит». Письмо кончается словами: «Будьте здоровы и благоденствуйте. Преданный Вам Ив. Тургенев»⁷³. Тон письма — спокойный и вежливый, но будем иметь в виду, что Тургенев прекрасно понимает, что за Варенькой стоит Варвара Петровна.

А за несколько месяцев до этого обмена письмами Тургенев в эпистоле Луи и Полине Виардо рассказывает о подростке Вареньке: «Вспоминаю, что в одном из писем вы спрашивали меня, что представляет собою воспитанница моей матери, порядочную особу или интриганку?

Она ни то, ни другое — она не глупа, не зла, но бессодержательна и избалована; манеры отвратительные: нечто вроде жеманной гризетки, ленивой и вульгарной. Она только и мечтает поскорее выйти замуж. Пошли ей бог эту удачу, и пусть она будет счастлива по-своему! Моя мать очень охладела к ней; однако мне кажется, что она, как говорится, устроила ей судьбу — тем лучше!»⁷⁴

Характеристика убийственная. Между тем Варенька получала точно такое образование и воспитание, как и братья Тургеневы: сначала у домашних учителей и гувернанток, потом в московском пансионе мадам Кноль, где жила «на особых правах»: со своей гувернанткой должна была совершать ежедневные прогулки в отличном экипаже с дорогими лошадьми, у нее была своя комната, своя прислуга, свой прекрасный Мейбомовский инструмент, особый учитель музыки... При этом, судя по воспоминаниям, Варенька ясно сознавала: «Тратя так много на мое воспитание и на роскошь, без которой я положительно могла обойтись, она (Тургенева. — И. Ч.) детям своим не присылала ни копейки, и все ее щедроты тем тяжелее и тяжелее ложились как бы на совесть мою». Ленивая и вульгарная? Но в последующей жизни Варвара Богданович показала себя труженицей, таща на себе свою семью и семью дочери с тремя детьми, зарабатывая преподаванием музыки и трех языков: немецкого, французского и английского — тому и другому она научилась у домашних учителей и в пансионе, значит, не ленилась — училась. Только и мечтает поскорее выйти замуж? Такое впечатление, что Тургенев пишет не конкретно о Вареньке, а вообще о молоденькой барышне, по пространному представлению, живущей одной мыслью о кавалерах и замужестве⁷⁵. Сомнительно, что Варенька поверяла Ивану Сергеевичу свои мысли на сей счет. Варвара Петровна действительно «охладела» к повзрослевшей Вареньке. Охладела по той причине, что в той «пробудилось чувство осмысленной любви и жалости к окружающим... и... постоянно происходила смутная борьба между любовью к тапан и жалостью к тем, на кого она простирала свой гнев»⁷⁶. Вступаясь за дворовых — семью

⁷³ И. С. Тургенев. Полное собрание соч. и писем, т. 2, с. 67.

⁷⁴ Там же, с. 360.

⁷⁵ В своей статье «Судьба Биби...» я пишу про управляющего имениями Тургеневой Ивана Михайловича Бакунина. Мемуаристка говорит о нем как о человеке светском и высокообразованном. Есть в воспоминаниях место, явно касающееся Вареньки, но почему-то пропущенное исследователями: «Не надеясь долго удержать Бакунина при себе и желая чем-нибудь приковать его к дому (без цепей ей не жилось), она намекнула Бакунину на возможность брака между ним и тогда еще весьма юной, близкой ей особой. Иван Михайлович поддался на это, даже искренне полюбил эту девушку и только из одной любви к ней продолжал заниматься делами Варвары Петровны до 1849 года. В этом году, заручившись согласием девушки быть со временем его женою, он оставил дом Варвары Петровны и поступил чиновником особых поручений при графе Арсении Андреевиче Закревском. Гнев Варвары Петровны был велик, и всякие сношения с Бакуниным были строгайше воспрещены». В том же году Бакунин женился, тогда же у него родился ребенок. Даже если эта история дошла до И. С. Тургенева, в 1850 году она перестала быть для Варвары Богданович «актуальной».

⁷⁶ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 47.

Лобановых (Поляковы в книге), за Николая Сергеевича Тургенева, в судьбе которого она проявила деятельное участие⁷⁷, Варенька возбуждала гнев тама. Понятно, что Варвара Петровна очень хотела «устроить судьбу» своей воспитанницы, к которой относилась как к своему ребенку. Но она никак не предполагала, что, когда ее не станет, Вареньке будет отказано от дома и она будет жить у чужих людей. Напомню, что именно Ивану Варвара Петровна в письмах поручала свою «Бибочку».

Здесь, как кажется, выплеснулось наружу чувство обиды Ивана Сергеевича на то, что его мать «холила и лелеяла» «воспитанницу», забросив своих сыновей, полностью лишив их денежной поддержки. В этом письме мы видим зародыш того негативного отношения к Варваре Богданович, которое затем с очевидностью проявится в тургеневских письмах к Полине Виардо после смерти матери. Следует добавить еще несколько слов. Портрет «воспитанницы», как мне представляется, кардинально расходится с оригиналом. В тот момент зрение Тургенева было притуплено — ему виделось то, что нарисовало ему воображение и о чем он написал семье Виардо: близкая к матери девица не достойна внимания — она вульгарная, ленивая, только и мечтает, что о замужестве... Мать о ней позаботилась — и прекрасно, больше не стоит о ней говорить...

В дальнейшем, после смерти матери, к этой характеристике прибавится еще и «интриганка».

После смерти Варвары Петровны Тургеневой

Три письма с упоминанием Варвары Богданович Тургенев написал Полине Виардо сразу после смерти матери.

Представим диспозицию. Самовластная помещица, державшая в своих руках все нити управления бесчисленными имениями, богатейшая владелица пяти тысяч крестьянских душ, умирает. Завещания как такового нет. Прямые наследники — дети, сыновья Николай и Иван. Николай от всех дел отстраняется, предоставляя работу по «разделу наследства» Ивану. Кроме того, что нужно «наградить» работников, всех, кто обслуживал большую капризную помещицу (Варвара Петровна оставила указания лишь насчет двоих самых близких для нее дворовых), предстояло разобраться еще с одной особой, которую Варвара Петровна числила в своих «деточках»⁷⁸ и которой дала свою фамилию Варвара Богданович-Лутовинова. Варенька по документам наследницей не была. Но она жила в доме, была для барыни очень близким человеком. Та неоднократно писала Ивану, что любит Биби («(она) немного ваша соперница, мой друг, я ее сильно люблю»; «не могу расстаться, в доме без нее пусто» или «пока я тебе нужна, я желаю жить для тебя, — но! более еще для Биби»), просила младшего сына прислать Биби свой портрет — «как будущего ее покровителя». Иван Сергеевич видел, как росла Биби, посвятил ей, девочке, стихотворение... Прошло почти четыре года, прежде чем он вернулся на родину. Мемуаристка пишет: «Тут я встретила с Иваном Сергеевичем уже не ребенком, а семнадцатилетней девушкой. При первой встрече мы обнялись с ним, как и прежде, но тех дружеских отношений, конечно, быть не могло, — мы отвыкли друг от друга, и притом лета наши уже не допускали прежней интимности»⁷⁹. Добавим от себя то, что уже говорилось: к отношению Тургенева к Варваре Богданович не могло не примешаться ревнивое чувство, постоянно возбуждаемое его

⁷⁷ Вместе с Александрой Михайловной Медведевой и Анной Ивановной Киреевской они посодействовали тому, что Варвара Петровна купила-таки своему старшему сыну дом в Москве (см. В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 119–125).

⁷⁸ «Когда увижу всех вас, моих деточек? Из трех не вижу ни одного» (В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 105).

⁷⁹ Там же, с. 133.

матерью в письмах к нему. К тому же после смерти Варвары Петровны девушка стала претенденткой на хоть и малую, но часть наследства. Но обо всем по порядку.

Николай Сергеевич играл подсобную роль в разделе наследства, главную — Иван Сергеевич, и это при том, что в письме к Полине Виардо он пишет, что «производить раздел будет, конечно, он (брат Николай. — *И. Ч.*) и сделает это, без сомнения, в тысячу раз лучше моего»⁸⁰. Но, как увидим из дальнейшего, все решения, связанные с Варенькой Богданович, исходили от Ивана Сергеевича, Николай Сергеевич, лучше знавший положение вещей, переписывавшийся с Варенькой и отчасти ее хлопотам обзаванный покупкой дома на Пречистенке, по-видимому, уступил ведение дел брату.

В письме в Париж, начатом 24 ноября и законченном 6 декабря 1850 года, Иван Тургенев пишет: «Мы начинаем понемногу разбираться в делах. Моя мать назначила 50 000 рублей⁸¹ молодой особе, которую она воспитала».

В этой фразе немножко удивляет то, что о Вареньке, речь о которой уже шла в письме к Виардо, говорится как-то безлично, словно о ком-то неизвестном.

Но продолжим цитирование: «Мы поспешили признать этот долг; до замужества она останется у моей невестки, и мы будем ей платить, помимо ее содержания, 8 % годовых. При выходе замуж она получит эти 50 тысяч»⁸².

Вообще-то, вексель был дан Берсу до «совершеннолетия» Варвары Богданович, а не до ее замужества, которое могла случиться, а могло и не случиться. Хорошо было то, что предполагалось, что жить она будет в доме Николая Сергеевича.

В следующем письме от 1 декабря 1850 года Тургенев описывает, как проходит процесс «раздела»:

«Все интриги не привели ни к чему. Но сколько их было. Досада, желание свалить вину на других мало-помалу развязали всем языки. Какой хор обвинений. Какие обнаруживаются низости! Надо поскорее положить этому конец, щедро расплатившись со всеми этими жадными существами, и освободить от них дом».

Мы знаем, что в момент смерти с Варварой Петровной, кроме священника, были двое — Николай Сергеевич Тургенев и Варвара Богданович-Житова. При «барыне» во время болезни неотлучно сидела Медведева, о чем читаем в записках Житовой. Конечно, были еще слуги и дворовые, «голос» которых вряд ли звучал в «хоре обвинений»: наградит молодой барин за службу — и будут благодарны по гроб жизни. В свете того, что будет написано в письме дальше, можно предположить, что основное обвинение в «интригах» ложится на Александру Михайловну Медведеву, сиделку и экономку барыни, и Варвару Богданович. И именно от них нужно освободить дом. И если первая — женщина уже пожившая и опытная, то Варенька — сирота, которой некуда пойти.

Читаем дальше: «Благодаря всем этим неприятностям я сделал одно приобретение: нечто вроде Тартюфа в женском обличье, смесь почти детского добродушия и дьявольской хитрости, тип весьма своеобразный и весьма отталкивающий. Если мы с вами увидимся, — нет, я хочу сказать КОГДА мы с вами увидимся, — я много смогу вам поведать»⁸³. Продолжение этой темы найдем в следующем письме от 1 января 1851 года.

Но хочу остановиться на продолжении предыдущего письма, где Иван Тургенев описывает пятилетнего ребенка, Асеньку, внебрачную дочь дяди, Николая Николаевича Тургенева, взятую в дом Варварой Петровной. Эта девочка, по словам Ивана Сергеевича, бывшая прелестным ребенком, «вдруг сразу выросла, подурнела и поглупела.

⁸⁰ И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 30 т., т. 2, с. 371.

⁸¹ По-видимому, это те самые 15 000 серебром, которые Берс должен был передать Вареньке по достижении ею совершеннолетия (17 лет).

⁸² И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 30 т., т. 2, с. 372.

⁸³ Там же, с. 374.

Природа вступила в свои права; если бы эта перемена не произошла, то она, вероятно, умерла бы, как все рано развившиеся дети»⁸⁴. Уж не Вареньку ли имеет он в виду, когда говорит об Асеньке?

Тоже ведь была прелестным ребенком, а теперь настоящий Тартюф в юбке...

Но вот мы и дошли до третьего письма, обращенного к Полине Виардо и тесно связанного с будущей судьбой Варвары Богданович. Выписываю: «Вчера я обещал вам рассказать, почему я оставался в Москве гораздо дольше, чем предполагал. Вот в нескольких словах причина: надо было удалить из нашего дома двух женщин, беспрестанно вносивших туда раздор. По отношению к одной из них это было не трудно (она вдова лет сорока, которая была при матери в последние месяцы ее жизни). Ее мы щедро вознаградили и попросили найти себе иное местопребывание. Другая — та молодая девушка, которую моя мать удочерила, настоящая госпожа Лафарж, лживая, злая, хитрая и бессердечная. Невозможно изобразить вам все зло, которое наделала эта маленькая гадюка. Она опутала моего брата, который по своей наивной доброте принимал ее за ангела; она дошла до того, что гнусно оклеветала своего родного отца, а потом, когда мне совершенно случайно удалось поймать нить всей этой интриги, созналась во всем и при этом держала себя так вызывающе, с такой наглостью и самоуверенностью, что я не мог вспомнить Тартюфа, когда он, со шляпой на голове, велит Оргону покинуть собственный дом»⁸⁵. Остановимся и попытаемся разобраться. Итак, Варенька вносит в дом «раздор». Мы примерно понимаем, в чем он состоит. Девушка просит разобраться с векселем, оставленным для нее Варварой Петровной, деньги она может получить сейчас, не дожидаясь замужества, так как ей уже есть 17 лет — она достигла совершеннолетия и должна будет себя содержать.

Трудно представить, каким своим поведением 17-летняя барышня заслужила такие эпитеты, как «лживая, злая, хитрая и бессердечная» и даже «маленькая гадюка». Здесь имеет место явное «сгущение», желание увидеть и передать эту историю своей французской корреспондентке в наиболее «эффектном виде». О том, что Тургенев ориентируется на восприятие мадам Виардо говорят и сравнения — с мадам Лафарж, отравительницей мужа, героиней тогдашнего судебного процесса в Париже, с Тартюфом, героем мольеровской пьесы. Кстати, Тартюф, выгоняющий хозяина из дома, помянут, по-видимому, не случайно. В «Воспоминаниях» Житовой есть такое место: «На мои личные расходы, кроме того, что тратилось на мое воспитание, определен был доход с целого имения, а именно с Холодова, которое по конторским книгам значилось так: „имение барышни Варвары Николаевны Богданович-Лутовиновой“. Немало все это меня мучило и впоследствии повлияло на мои отношения к сыновьям Варвары Петровны»⁸⁶. Мы знаем, что в день смерти Варвара Петровна призвала двух «свидетелей», деверя Петра Николаевича Тургенева и приятельницу Анну Ивановну Киреевскую, и «в их присутствии высказала и подписала свои последние заботы» о своей воспитаннице⁸⁷. Эти «заботы» не были оформлены, как положено — нотариально, стряпчим. Полагаю, что это была дарственная на Холодово, родовое гнездо Лутовиновых. Достойно удивления то, что Варвара Тургенева дважды оформляла дарственные — своим детям и «приемной дочери» без соблюдения формальностей. В случае с приемной дочерью ее трудно заподозрить в лицемерии и обмане. Уж не считала ли она такую бумагу действительной?⁸⁸ Должна же была она подумать, где и как Варенька будет

⁸⁴ Там же, с. 375.

⁸⁵ Там же, с. 378.

⁸⁶ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. с. 115.

⁸⁷ Там же, с. 163.

⁸⁸ Да и в случае с дарением двух сел сыновьям, похоже, Варвара Петровна верила, что это «на самом деле». Иначе не отдала бы приказание старостам этих сел собрать все зерно и немедленно продать, а деньги послать ей.

жить... Может быть, она думала, что сыновья примут этот документ, имеющий ее подпись и подпись двух уважаемых людей, несмотря на то, что он не заверен?

Остановимся еще на нескольких моментах. «Оклеветала родного отца». Варвара Богданович не считала Андрея Берса своим отцом, да, скорее всего, так оно и было, то, что на его имя был выписан вексель для нее, ничего не значило, Берс нередко помогал Тургеневой в ее денежных делах (см. мою статью «Судьба Биби...»). Для меня вопрос: действительно ли Иван Тургенев считал Андрея Берса «родным отцом» Вареньки? Слишком многое говорило ПРОТИВ этого, а французский дневник-альбом Варвары Петровны, где та благодарит Божью Матерь за то, что «великодушный человек», ее муж, вручил ей «невинное дитя», не навел ли Ивана Сергеевича на мысль, что отцом Вареньки мог быть его отец? «Опутала брата». Скорее всего, здесь имеется в виду помощь Николаю Сергеевичу в покупке дома, о чем рассказано в воспоминаниях. Действительно, после этого Николай Сергеевич стал считать Вареньку своим добрым ангелом («Благодарю тебе, мой ангел», из письма Николая Сергеевича к Вареньке).

Конец письма перескажу. Иван Сергеевич пишет, что нельзя было оставлять Вареньку в доме, но нехорошо было и выгнать на улицу. Берс («ее родной отец», как пишет Тургенев) отказался взять ее к себе, но порекомендовал своего друга, «который согласился взять на себя заботу о ней, предупредив наперед, что она будет под постоянным надзором»⁸⁹.

Братья выдали Вареньке заемное письмо на 60 000 франков из 6 % с уплатою через три года, весь гардероб Варвары Петровны, получили от нее расписку и «от нее отделились» (так в письме!).

Особенно умиляет этот выданный «гардероб». Барышне, привыкшей носить наряды из лучших модельных домов, выдали старые платья и чепцы пожилой, со странными вкусами барыни. Кроме того, что неуместен, такой подарок еще и бестактен, указывая на понижение социального статуса девушки.

В самом конце письма Тургенев восклицает: «Ух, и трудная же это была задача! Не знаю, что вышло бы из ее пребывания у моего брата; но знаю только, что лишь теперь, когда здесь ее нет больше, мы вздохнули свободно»⁹⁰.

Не очень похоже на того добрейшего, сочувствующего чужому горю Тургенева, которого мы знаем, не правда ли? Все же выгнать из дому сироту, юную девушку, не имеющую ни профессии, ни родства, ни опоры, зная, что ее любила твоя мать, прочившая тебя в ее покровители, что ты когда-то посвятил ей стихотворение, что разгадка ее рождения может сделать вас братом и сестрой...

Чтобы так поступить, нужно было убедить и себя, и ту, которой ты исповедуешься в своих мыслях и поступках, что это не девушка, а настоящее чудовище, скопище пороков.

И Тургенев постоянно возвращается к этой теме: «Что за дурная извращенная натура в семнадцать лет! Можно ждать от нее многого. Правда, она получила отвратительное воспитание. Ну, не будем больше говорить о ней: теперь она довольна, и мы тоже»⁹¹.

«Отвратительное воспитание» — косвенный намек на «воспитательницу», Варвару Петровну, выступающую в письмах к Полине Виардо как нравственное чудовище. Приемная дочь могла у нее нахвататься отвратительных черт...

«Теперь она довольна» — фраза странная. Довольна чем? Тем, что братья Тургеневы через три года выплатят ей деньги, завещанные ее приемной матерью? Что по-

⁸⁹ По всей видимости, это Николай Богданович Анке (1803–1872), декан медицинского факультета Московского университета, приятель Берса и домашний врач его семьи. В 1850 году их с женой сыну Александру было 6 лет. Варенька, скорее всего, была им нужна, чтобы смотреть за ребенком.

⁹⁰ И. С. Тургенев. Собрание сочинений и писем в 30 т., т. 2, с. 378.

⁹¹ Там же.

лучила ее гардероб? Что окажется в чужой семье, где, как ее наперед предупредили, «она будет под постоянным надзором»?

Приведем здесь самый конец этого долгого письма: «Признаюсь вам все-таки, что я не создан для подобных дел! Я вкладываю в них достаточно хладнокровия и решительности, но это ужасно расстраивает мне нервы. Я слишком привык жить с хорошими и порядочными людьми. Я не боюсь злобы и особенно коварства, но они возмущают мне душу. В течение этих двух последних недель я совершенно не мог работать... и пусть ваш благотворный и благородный образ отгонит прочь от меня все скверные и тягостные воспоминания»⁹².

И понятно, что не мог работать и мучился тягостными воспоминаниями, душа была беспокойна и страдала. Иван Сергеевич видел и всю ситуацию, и 17-летнюю девушку совершенно в другом измерении, он заранее ожидал встретить злобу и коварство там, где были неискренность и стремление защитить себя. Не было «злобы и коварства», не было «лживой, злой, хитрой и бессердечной» Вареньки Богданович. И ее записки, где нет ни одного дурного слова о Тургеневе и нет ропота на судьбу, и вся ее дальнейшая жизнь говорят об этом. Но Тургенев приехал в Россию, настроенный на определенную оптику, она на первых порах мешала ему видеть людей и обстоятельства в их истинном виде.

Несколько слов о дальнейшей судьбе Варвары Богданович. Ее одиночество и сиротство скрашивало общение с семьей Лобановых, бывших дворовых людей Варвары Петровны, в особенности с Авдотьей Кирилловной Лобановой, о которой с таким сочувствием и болью рассказано в воспоминаниях. Возможно, именно Лобановы нашли ей жениха — только замужество могло спасти от жизни в чужой семье «под постоянным надзором». Брак оказался катастрофическим, супруг, из захудалых егорьевских дворян, работал околоточным надзирателем, сильно пил, из-за чего лишился работы. Варваре Житовой пришлось тянуть на себе мужа и родившуюся дочь, а впоследствии помогать дочери, оставшейся вдовой с тремя детьми.

В своем скудном егорьевском жилище она устроила музей Ивана Тургенева, где самым ценным экспонатом был портрет Ивана Сергеевича в молодости, периода его учения в Германии, снятый ею со стены и сохраненный после смерти Варвары Петровны. В 1880 году безвестная преподавательница музыки и иностранных языков егорьевской прогимназии Варвара Житова написала письмо во Францию прославленному писателю Тургеневу. Он откликнулся. Они начали переписываться, а на празднике в честь открытия памятника Пушкину в Москве встретились. Последнее письмо Тургенева Варваре Богданович, написанное за три года до смерти, содержало такое признание: «При обеднении собственной личной жизни, я тем более принимаю участие в жизни других людей, особенно тех, которые мне дороги по воспоминаниям прежних, лучших дней. А в числе этих людей Вы занимаете одно из первых мест»⁹³.

За эти годы (1850—1880) писатель накопил огромный жизненный опыт, опыт мудрости и человечности. Его взгляд на людей и события поменялся. Он уже не был тем влюбленным, который смотрит на все глазами своей возлюбленной и живет в мире созданных им представлений. Я назвала это жизнью в «двоемирье». Таким был 1850 год для Тургенева.

Последнее письмо к Варваре Богданович говорит о том, что писатель переосмыслил свое к ней отношение, поднял ее на ту высоту, которой она была достойна.

И тем самым «реабилитировал» себя в глазах читателей этой статьи.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, с. 117.